

НИКОЛАЙ
МЕТЕЛЬСКИЙ

УНЕСЕННЫЙ
ВЕТРОМ

МЕНЯЯ МАСКИ
ТЕРЯЯ МАСКИ
ЧУЖИЕ МАСКИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М54

Серия «БФ-коллекция»

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Метельский, Николай Александрович

М54 Унесенный ветром: Меняя маски. Теряя маски. Чужие маски : сборник / Николай Метельский. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом »Ленинград«, 2019. — 768 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-115387-8

Всё в прошлом — семья, собака, работа, репутация опаснейшего бойца в мире и ведьмачий ранг «Абсолют». Даже имя — капитан ГРУ в отставке Максим Рудов ныне обретается в параллельном мире, в теле японского подростка Сакурая Синдзи. В мире, где правят могущественные кланы аристократов, управляющих таинственной энергией «бахир».

Жить простолудином? Забыть о воинской славе? О нет, на такое боец с позывным «Кощей» не подписывался. И пускай бахир ему неподвластен — он вновь станет «царем горы», и весь мир будет его знать!

Ну а пока — остается надеть маску обычного японского школьника и тайком тренироваться. Надо же набить морду тем сущностям, которые его сюда засунули...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115387-8

© Николай Метельский, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

МЕНЯЯ МАСКИ

Пролог

«Приветствую вас. С вами говорит Вестник. Вестник не является разумным, у него нет воли, нет возможностей телефона, он не отвечает на вопросы, через него нельзя связаться с пославшими его: он всего лишь сообщение. Сообщение, которое вы можете слушать, а можете не слушать.

Некоторое время назад в нашем мире случилась беда. Совершенно не важно, что именно, важно то, что нам пришлось принять меры. Действовать быстро и жестко. Не только по отношению к обитателям нашего мира, но и к самому миру.

Нами был произведен направленный взрыв межмировой субстанции — эрхя. Последствия для нашего мира вам наверняка не интересны, а вот последствия для окружающих миров вы почувствовали на себе. Взрывной волны как таковой не было, но искажения пространства накрыли соседние миры. Пострадали только люди. Очень немногие. Лишь те, чья физическая связь с миром была минимальна. Волну от взрыва можно сравнить со сквозняком, который смел со стола бумагу, оставив более тяжелые предметы. В каждом из девяти миров, попавших под волну искажений, пострадали от двух до четырех человек. Но только вы были выброшены из своего мира в бестелесном виде.

Шансы на то, что волна заденет вас, были один к трем миллиардам, что выкинет вашу душу, — один к восемнадцати миллиардам, что вы выживете, — один к двум миллионам. Нам трудно судить, повезло вам или нет, ведь мы не знаем, были ли вы счастливы *там*. По данным Вестника, *здесь* существует пятьдесят два измерения, населенные различными существами, и все это — лишь часть одного мира, в котором никогда не было даже теории межмировых путешествий, поэтому, к сожалению, вернуться домой вы не сможете.

Мир, где вы оказались, является технохимическим, с зачатками энергомагического. Развивая внешнюю энергетику, люди здесь часто пересекались с магией смежных измерений, но, свернув однажды на технохимический путь, не забыли своего прошлого. Технологически этот мир не сильно превосходит ваш, а в чем-то даже уступает. Но в его истории присутствуют события, которые, лишь краем зацепив Землю,

дали толчок и средства для развития в некоторых направлениях, намного опережающих вашу цивилизацию.

Сильно отличаясь в деталях, в целом это место очень похоже на ваш родной мир. Данное послание — это не энциклопедия для вас, оно не является доказательством того, что вы не сошли с ума, это даже не способ ввести вас в курс дела. Наше сообщение — всего лишь извинения. Пусть, возможно, ненужные вам извинения.

Искренне просим прощения за случившееся, но мы не могли поступить иначе. От наших действий зависело будущее целого мира. Жизнь двадцати трех человек, из которых уцелело шестеро, не стоит целого мира. Простите нас, если сможете...» — Молодая японка в юкате синего цвета, поклонившись, растаяла, словно призрак.

Глава 1

— Син-тя-а-ан!

Вот зараза! Ведь знает, как я не люблю подобную фамильярность. Наедине или в домашней обстановке я уже перестал обращать на это внимание, а на улице, при посторонних, подобное обращение меня сильно нервировало. Впрочем, нельзя показывать, насколько мне это не нравится, такое ее только раззадорит, но и игнорировать не стоит, а то еще привыкнет. Так что, изобразив на лице легкую степень недовольства, я обернулся.

— А, Кояма-сан, привет. Давно не виделись.

— Ты что, мелкий, рехнулся? Забыл уже, кто тебя утром разбудил да из дома в школу погнал?

— А-а-а, так вот кто у меня все утро перед глазами мельтешил. Ну извини, не заметил.

Хрясь. Профессиональный удар в печень был не то чтобы болезненным, но довольно-таки неприятным. Да это и неудивительно. Ведь кто-кто, а Кояма Шина очень хорошо умеет и нападать, и защищаться.

— Это чтоб ты проснулся, наконец а то вдруг еще что-нибудь важное не заметишь.

М-да... И ведь что паршиво: не угадаешь, когда ударит, а когда проигнорирует. Одним словом, дитя женского рода. Ладно, Макс, спокойствие, только спокойствие. Она всего лишь ребенок, семнадцатилетняя девчонка, изучающая боевые искусства чуть ли не с рождения. А ведь в этом мире, который всегда был и остается вотчиной мужчин, никогда знать не знали о такой вещи, как феминизм. Хоть на первый взгляд и кажется, что это не так, но женщина тут практически является собственностью семьи, рода, клана. И как бы Шина ни вела себя, и что бы она ни думала, пойти против воли отца или деда для нее немыслимо. И так повсеместно. Хотя бывают исключения, но относятся они ско-

рее к семьям, где мужики — полные рохли. Впрочем, мне от этого ни тепло, ни холодно.

Кстати, да, стоит, наверное, представиться. Меня зовут Макс, Максим Рудов, и я тот самый сказочный попаданец.

— Ну, что скрючился, идем, а то опоздаем еще из-за тебя.

— Из-за меня! Офигеть... — прошептал я.

— Что-то я тебя не расслышала, что ты там пробормотал?

— Говорю: как скажешь, великая госпожа.

— То-то же, всегда бы так! — и, выпрямив спину, гордой походкой аристократки поплыла вперед.

Наверное, стоит сказать, что сегодня шестое апреля, а значит, начало нового учебного года, и, соответственно, иду я в школу. В первый класс старшей школы Дакисюро.

Высокие заборы, за которыми прятались частные дома и особняки, высились по обе стороны дороги. Из калиток то и дело выходили люди. Дети и взрослые, мужчины и женщины спешили по своим делам. А я, стараясь не отстать от Шины, быстрым шагом идущей впереди, думал о том, что зря я все-таки выбрал эту школу. История выбора вообще довольно-таки забавная.

После окончания средней школы передо мной встал вопрос: продолжать учебу или нет? И если продолжать, то где. Ну а так как живу я без родителей, то и выбор полностью на моей совести. Про родителей и мою жизнь после их ухода из нее — вообще отдельный рассказ, я бы даже сказал, эпопея, но об этом потом. Так вот, после того как я окончил среднюю школу, семья Шины, мои соседи, буквально взяла меня в осаду. В ход шло все: от банальных рассказов, какое Дакисюро прекрасное учебное заведение, до приглашения на обед в честь дня основания школы и, соответственно, многочисленного повторения историй о ней и общего восхваления.

Я долго не мог понять, что происходит и зачем им меня вообще туда сватать, пока не произошел один случай. В тот вечер мать Шины, Кояма Кагами, позвала меня на ужин, и, даже чувствуя, чем все это закончится, я не мог отказать этой добрейшей женщине (кстати, семейство Кояма, зная это, нередко пользуется моим к ним хорошим отношением).

Не знаю, как так получилось, но на нашей улице, состоящей из стандартных двухэтажных частных домов, только мои соседи жили в приличного размера особняке, выстроенном в традиционном японском стиле, с немаленьким двором. И все это богатство было окружено двухметровым каменным забором. Впрочем, его высота не мешала сестрам Кояма с легкостью преодолевать это препятствие, чтобы сделать мою жизнь излишне веселой. Правда, Шина, старшая из сестер,

последний год перестала так делать, видимо, поняла наконец, что девушке ее возраста скакать через заборы неуместно. Жаль только, что совсем приходится ко мне она не перестала, нашла, видите ли, мальчика для битья. Сам я никогда, хоть и мог, не лазил через заборы, так что, выйдя за крыльцо и пройдя несколько метров, я просто открыл калитку и зашел в эту обитель зла. Утрирую, конечно, но детскую часть семьи Кояма иначе как демонами не назовешь.

Миновав двор, я снял обувь на генкане — небольшом, сантиметров десять в высоту, камне, тянущемся вдоль лицевой части здания. Пройдя по узкой, метра полтора, веранде, зашел в дом.

— Добрый вечер всем, — сказал я, чуть повысив голос, так как в прихожей никого не было.

— Синдзи-и-и! — Визг из глубины дома сменяется топотом, и шестнадцатилетнее рыжее чудо с разбегу прыгает мне на шею. — Синдзи, Синдзи, я наконец освоила тот ужасно сложный прием и теперь могу ломать кирпичи головой!

Что? А, ну да. «Доспех духа». Это не то чтобы прием, а скорей способность, которую тренируют последователи любой боевой техники, — умение концентрировать вокруг тела слой энергии, которая и защищает, и помогает атаковать.

Самих техник в этом мире великое множество. При этом они разделены на четыре категории: рукопашный бой, фехтование, бой тупым оружием и бой метательным оружием. В последнюю категорию входит также и огнестрельный бой. Ну и уже сами категории подразделяются на различные техники. Например, Кояма используют «огненную технику рукопашного боя». А есть, например, «техника тени метательного оружия».

Ну а что касаясь кирпичей и головы, то это давний бзик Мизуки, младшей сестры Шины. Дело в том, что Шина исполняла этот фокус еще в одиннадцатилетнем возрасте. И когда Мизуки удочерили, это было первое, что новая сестра ей показала. Неудивительно, что маленькая десятилетняя Мизуки поразила до глубины души. Правда, повторить подобное она смогла только сейчас, спустя шесть лет, что неудивительно, ведь Шину начали обучать в пять лет, а Мизуки в десять. Плюс я нередко слышал, что старшую сестру Кояма называют гением. Так что все закономерно.

— Мизуки, я, конечно, рад за тебя, но ты не думаешь, что твое поведение не пристало девушке? К тому же вести себя как маленький ребенок в свои шестнадцать... Это, знаешь ли, наводит на определенные мысли.

— Это какие такие мысли?!

— Ну... — «Что ты дурочка неполноценная». — Эмм... Ну а вот об этом ты сама подумай.

— Подумай, подумай, — скривилась она. — Да плевать на это, ты ведь не посторонний, почти член семьи, уж с тобой я могу вести себя как угодно.

Вот, счастье-то какое!

На пороге соседней комнаты появилась Кояма Кагами — мать семейства, умница, красавица и просто изумительная женщина.

— Ребята, мыть руки, и за стол.

— Уже бегу, мам. — И, отцепившись от моей шеи, Мизуки ускакала в глубь дома.

— Как скажете, Кагами-сан, — ответил я, поклонившись в знак приветствия. — Выглядите, как всегда, прекрасно. — Комплимент женщине никогда не лишней: и мне не трудно, и ей приятно.

— Ох, Синдзи, ловелас ты малолетний, беги уж быстрее руки мыть.

Зайдя в гостиную, я усмехнулся: в токономе, нише внутри стены дома, где обычно стоял телевизор, сегодня находился горшок с японской пальмой, она же цикас, а на центральной стене висел черно-белый рисунок с изображением каких-то дядек и листьев той же пальмы. Если кто не знает, герб школы Дакисюро — именно пальма, точнее, листья пальмы. Которые, в свою очередь, являются символом победителей.

Где-то минут через десять, когда первый голод был утолен, Кояма Кента — крепкий еще шестидесятидевятилетний мужчина, дед Шины и глава семьи, начал наконец разговор, ради которого меня сегодня и пригласили.

— Синдзи, ты уже решил насчет старшей школы? — Старик Кента смотрел на меня внимательно и строго, всем видом показывая, что вопрос более чем серьезный.

В принципе, я уже давно определился с тем, что пойду в старшую школу, для легализации это необходимо. Но уж точно не туда, куда ходит Шина. Однако говорить об этом родным Шины мне было как-то неловко. И вот тут я совершил ошибку. Можно было найти десяток причин, почему я хочу идти в другую школу, я же выбрал самый debilный ответ:

— Да, решил. Я много думал и решил закончить обучение на средней школе.

— И по какой причине, позволь узнать? — на лице дедка мелькнула улыбка. — Ты ведь прекрасно знаешь, что дальнейшее обучение очень важно.

— Все как всегда, Кента-сан, все как везде, у меня просто нет денег, чтобы оплачивать школу. — С деньгами у меня сейчас все несколько иначе, но старик знать об этом не может, а значит, и подловить меня на этом тоже не может. — Так что я решил, что лучше мне пойти работать.

— Что ж, в таком случае все решено. Готовься к поступлению в старшую школу Дакисюро, Синдзи.

— Че?

— Если проблема только в деньгах, а проблема только в этом, насколько я понял, то можешь не беспокоиться, деньги найдутся, — улыбнулся дед.

Так, понятно. Вот в чем дело. Оказывается, что все их телодвижения были из-за банальной жалости! Нет, я парень не очень гордый, во всяком случае, когда у меня были трудные деньки, я проглатывал свою гордость и принимал чересчур частые приглашения на обед или ужин. И когда Кагами-сан приносила разные вкусные блюда, якобы для того, чтобы дитё не питалось одной лапшой, я улыбался и благодарил. Но всему есть предел. И даже моя гордость порой начинает бунтовать.

— Кента-сан, я вам очень благодарен за ваше участие, но нет. Я не могу принять вашу помощь. — Мне стоило определенных усилий, чтобы не взорваться и не натворить глупостей. — Я... не нуждаюсь... в общем, нет. Спасибо, конечно, но нет.

Очень хотелось что-нибудь сделать, сказать что-нибудь злобное, надерзить, выдать парочку сарказмов или, к примеру, бросить палочки для еды на стол и молча уйти — в общем, хоть как-нибудь выразить свое отношение к данной ситуации. Сложность была еще и в том, что в прошлой жизни я не привык скрывать свои чувства. Нет, я умею их контролировать и скрыть их, если надо, тоже умею, все же чему-то меня обучали. Но при этом я оставался Разрушителем, а не каким-нибудь шпионом, и главной моей специализацией была сила, а после определенного этапа моего развития — сила немалая. У меня просто не было причин скрывать свои эмоции, ибо я чувствовал за собой силу.

Для многих, учитывая мой характер, я был весьма неприятным человеком, но даже мое начальство с этим мирилось, потому что понимало: люди моего уровня — профессионалы, они знают, что такое субординация, и они не предадут. Даже после встречи с моей будущей женой ничего не изменилось. Светик полюбила меня таким, какой я есть, а ситуация, в которую я попал после нашей женитьбы, вылилась в банальную войну против всех, но никак не в шпионские игры. Так что успокоиться мне стоило определенных усилий, даже не успокоиться, а просто ничего не делать. Ведь злость, по сути своей, была не так уж и сильна, ее я быстро задавил, а вот вредность моя требовала выхода.

К счастью или несчастью, но сделать я ничего не успел, ибо тут и началось самое интересное. Старик Кента сдаваться явно не собирался. Пауза после моих слов была не очень большой, всего пару секунд.

— Хм, Синдзи... — Дед был спокоен как удав, складывалось впечатление, что он заранее продумал весь разговор. — Я ведь и не говорил, что это мы будем оплачивать твое обучение. Его будут оплачивать твои родители.

Тут необходимо кое-что объяснить. Дело в том, что я живу один. И мои родители не уехали на заработки в другой город или там за границу, они не погибли в автокатастрофе, они не сидят в тюрьме. Ничего такого, отнюдь. Они бросили меня, когда мне было десять. В этот мир, к слову, я попал, когда Синдзи, парню, в теле которого я нахожусь, было восемь.

Проснувшись поутру и не найдя родителей, я и думать не думал о том, что меня бросили. Да чего уж там, я и через два дня о таком не догадывался. Все тянул и не шел к соседям, решил: мало ли. Если бы с ними что случилось, ко мне бы пришли из полиции там или из социальной службы. Ну в самом деле, как быстро бы вы подняли кипеш? Но двое суток, когда у вас десятилетний сын один дома, — это слишком. Поэтому на третий день, убедившись поутру, что дома никого, я собрался идти к соседям.

Надевая куртку, я нашел во внутреннем кармане письмо, в котором мои, с позволения сказать, родители написали, что уезжают за границу и чтобы я шел к соседям Кояма, которые мне помогут. И так мне стало обидно, не за себя, нет, за парня, в теле которого я оказался. Я даже не понял поначалу, что прочитал. У меня в голове не укладывалось, как такое возможно. Умом я понимал, что на свете много грязи, да что там говорить, в своей прошлой жизни, в другом мире, я не раз сталкивался с различным дерьмом и каждый раз ох... офигевал. Но у меня просто в голове не укладывается, как такое происходит. Я не могу понять, как *они* смогли бросить *своего ребенка* одного в доме, ребенка, которому всего *десять* лет? Я уж не говорю про письмо, которое они записали во внутренний карман куртки. Нет, ну что за дебилизм? Что им стоило кинуть письмо на столик в гостиной? Я как... эх, уже бывший отец, совершенно не понимал, что творилось в их головах.

В общем, жара. После прочтения письма я задумался, что делать. С одной стороны, надо идти к соседям и рассказать им о том, что случилось. Ибо мне, по большому счету, плевать, где жить: с так называемыми родителями или где-то у родственников. С другой стороны, вся моя прошлая жизнь, ну или большая ее часть, прошла под девизом: не выделяйся. Все должно быть как обычно, как у всех, нельзя обращать на себя внимание. Ведь когда что-то идет не так и на тебя обращают внимание, тут же начинаются проблемы. Так было, когда я работал на правительство, так же было и после, особенно после. Конечно, не всякая необычность приносит проблемы, и в моем случае скорей всего ничего плохого не произойдет, только есть одно *но*. Я не из этого мира. Вспоминая Вестника и его слова про измерения и про населяющие их существа, не лучше ли перестраховаться? За те два года, что я здесь прожил, я ничего не слышал ни об измерениях, ни об их обитателях. А если верить Вестнику, они есть, а не верить ему у меня повода пока не

было. Значит, эти неизвестные существа скрываются, ну, или их скрывают и информацию о них и измерениях скрывают. И вполне реально, что местное правительство что-то знает и имеет способы определять, скажем так, чужаков. И что они с ними делают, черт знает. А ведь мне всего десять было, я вообще никак защититься не мог.

В Японии сироту отдают в приют, только если у него совсем нет родственников, ну или если все родственники от него отказались, что, собственно говоря, не принято. Но вначале мной все равно будет заниматься правительство, пусть недолго, пусть всего лишь социальные службы, но будут. А параноиком я стал уже давно. Кстати, о своих родственниках я никогда не слышал. Что странно, уж за два-то года про какую-нибудь бабушку или деда я должен был узнать. В общем, ладно, все эти рассуждения были немного натянутыми, немного бредовыми и параноидальными, но зерно истины в них имелось. К тому же не последнюю роль в моих рассуждениях сыграло то, что в одиночку у меня будет больше свободы. Да и скрывать мне придется гораздо меньше.

Так что я решил соврать и замутить нехилую аферу. Я сказал всем своим соседям, что родители уехали за границу на заработки, а деньги на жизнь будут мне присылать. Да, не бог весть что, но такое случается, все в пределах нормы. Единственный косяк был с моим возрастом, но, к счастью, прокатило, хоть все и были возмущены таким безответственным поведением родителей. Позже я часто спрашивал себя, правильно ли поступил, и каждый раз находил и плюсы, и минусы такого решения. И со временем количество и тех и других только росло. Но вот сделать я уже ничего не мог, ибо брошенный ребенок — это одно, а выживающий десятилетний мальчик — совсем другое.

И вот теперь старик Кента, который знать не знает о моей ситуации, говорит, что оплачивать мое обучение будут родители. И это, похоже, шах моему королю. Ведь получается что?

Во-первых, старикашка может быть в курсе моей реальной ситуации. И я даже не предполагаю, во что все это выльется и чего мне теперь ожидать. А главное, какого черта он все это время молчал? Вопрос, кстати, интересный. Не тот человек Кояма Кента, чтобы молча смотреть на брошенного десятилетнего мальчишку. При любом раскладе. Даже, к примеру, если бы родители, уезжая, предупредили его обо мне. Даже если бы я после этого обманул всех, сказав, что они меня не бросали и будут высылать мне деньги. Даже тогда он бы не стал делать вид, что все нормально, и вести себя как обычно. Уж как-нибудь, но он бы обозначил свое знание. Значит, тогда он не знал. А со временем узнать об этом становилось все сложнее. Вот начать что-то подозревать он мог, мозгов у этой семейки хватает. Но подозрения к делу не пришьешь. А теперь, спустя шесть лет, после всей моей работы по затиранию хвостов, узнать правду можно, только спросив у меня

прямо. Либо, вот как сейчас, сбивая с толку и провоцируя, постепенно собирать информацию. Но послать старика куда подальше я не могу.

Во-вторых, Кояма Кента может и не знать ничего. Вполне возможно, что это была импровизация. Для него сейчас важно, чтобы я согласился. И отмазаться легко: мол, я хотел как лучше. Или вообще сыграть в дурачка, заявив, что я что-то не так понял, а чтоб разобраться, предложить позвонить моим родителям... Короче, куда ни кинь, всюду клин. Но мы еще побарахтаемся, соображалка и у меня присутствует...

— Синдзи, мы не можем, да и не хотим лезть в твои личные дела, — взял слово Кояма Акено, отец Шины. — Но ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что продолжение учебы необходимо, без этого тебе будет гораздо сложнее устроиться в жизни.

И вот попробуй пойми, к чему именно он это сказал.

— Син-тян, ты для нас не просто соседский мальчишка, ты почти родственник, — проникновенно начала мать семейства. — Мы желаем тебе только добра и никогда не посоветуем тебе что-либо плохое. А школа Дакисюро — отличный вариант.

Все, шах и мат. После того как в дело вступила Кагами, отказаться мне очень сложно, по крайней мере беспричинно. Тем более до этого старик всего одной фразой загнал меня в угол. А обижать эту семью мне очень не хотелось. Ну, привязался я к ним, привязался. Осталось только сгладить углы насчет моих родителей и согласиться.

— М-да, не думал я, что отец позвонит вам, после того как мы с ним... разошлись во мнениях. Знал, кому звонить. Скажите только, почему Дакисюро. — Я, конечно, и так знаю почему, но хотелось услышать их версию. — Ведь, насколько я слышал, попасть туда непросто.

— Ну, начнем с того, что эта школа ближе всего к нам, там отличное обучение, очень хорошие учителя, которые разбираются не только в своем предмете, но и в жизни и, если что, помогут тебе с проблемами или дадут нужный совет. — Вот это вряд ли. Вы, Кента-сан, даже не подозреваете, какие у меня могут быть проблемы. — Там множество различных клубов, и ты наверняка найдешь себе занятие по вкусу. Ну а в конце обучения школа выдает рекомендации и помогает устроиться в институт, куда никак иначе ты бы попасть не смог. В целом это очень хорошая школа, окончание которой сильно поможет тебе в дальнейшей жизни. Ах да, забыл сказать: в Дакисюро учится множество детей влиятельных родителей, и знакомство, а то и дружба с ними помогут тебе приобрести нужные связи.

Хм, а вот об этом я слышу впервые. Связи — это, конечно, хорошо, но вот учиться с избалованными детишками как-то не айс. Впрочем, переживу. Зато о том, что в той же школе учится Шина, а Мизуки попустит в этом году, я не услышал. Ну и ладно, выбора-то они мне все равно не оставили.